

## Диалектное членение праиндоевропейского по акцентологическим данным

Результаты акцентологических исследований, проводившихся в рамках Московской акцентологической школы в течение последних десятилетий, позволяют заключить, что индоевропейская общность (возможно, за исключением анатолийской группы языков) по типу акцентной системы первоначально разделялась на две большие зоны: условно северо-западную и юго-восточную. Северо-западный акцентный тип выглядит архаичным, а юго-восточная система объяснима как результат инновативного упрощения предшествовавшей системы. Можно связывать эту картину с гипотезой вторичной балканской прародины индоевропейцев, предполагая, что передвижение греко-арийцев к востоку и их переход к отгонно-скотоводческому образу жизни, включающему многочисленные межъязыковые контакты, привели к упрощению старой акцентной системы сложного парадигматического типа.

*Ключевые слова:* индоевропейская акцентология, индоевропейская прародина, европейский неолит, европейский энеолит.

Исследования в области славянской, балтийской и балто-славянской сравнительно-исторической акцентологии привели к реконструкции балто-славянской акцентуационной системы, которая оказалась организованной как *парадигматическая акцентная система*. Типологическое сравнение этой системы с другими акцентуационными системами языков с разноместным ударением позволило выделить тип подобных акцентуационных систем, которым и было дано это название (Dybo 2009: 21—24; Дыбо 2011e: 67—84).

Под *системами парадигматического акцента* или *парадигматическими акцентными системами* понимаются в Московской акцентологической школе такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента *в слове*, именуемыми акцентными типами или акцентными (акцентуационными) парадигмами (а.п.), по которым распределяются *все слова* соответствующего языка следующим образом.

1. В корпусе непрямых основ выбор акцентного типа (*акцентной парадигмы*) для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или в значении этого слова, а является присущим данному слову традиционно.

2. В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами (*акцентными парадигмами*) производящих основ (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип). В балто-славянском эта поправка определялась рецессивностью или доминантностью суффикса.

Глагольная акцентная система в этих языках обычно построена подобным же образом: различные глагольные категории при этом рассматриваются как производные по отношению к глагольной категории, положенной в начало описания.

Таким образом, балто-славянская акцентная система существенно отличается от того, что удавалось увидеть из сравнения древнеиндийского и греческого языков и сравнения первого с рефлексами глагольной акцентуации протогерманского. Главным конст-

руктивным элементом балто-славянской просодической системы оказалась корневая морфема: от ее просодического характера зависело, какой акцентный тип выберет слово и любое производное с данным корнем: одни корни (доминантные) не допускали сдвига акцента со своего слога и сохраняли накоренное ударение во всех словоформах и производных (если только какие-либо специальные фонетические обстоятельства не вызывали этот сдвиг), другие (рецессивные) — позволяли сдвиги акцента, если за ними следовали морфемы (суффиксы или окончания), характеризовавшиеся просодическими особенностями, характерными для корней первого типа (т.е. доминантные).

Ведийская и древнегреческая акцентные системы относятся в значительной мере к *системам категориального акцента*. В языках категориального акцента акцентные типы выбираются в зависимости от лексической, грамматической или лексико-грамматической категории основ. Так в ведийском презентные основы I и IV классов выбирают неподвижное накоренное ударение, VI и X классов — неподвижное насуффиксальное ударение, а презентные основы II, III, V, VII, VIII и IX выбирают подвижный акцентный тип с ударением на окончании и на элементе, непосредственно предшествующем окончанию, и эта акцентная сдвижка обусловлена ступенью аблаута в слоге элемента, предшествующего окончанию; в греческом подвижный акцентный тип выбирают атематические корневые имена. Это же обычно предполагается и для ведийского (хотя в ведийском наблюдаются реликты и неподвижного акцентного типа у корневых атематических имен). В тематических именах как в греческом, так и в ведийском подвижный акцентный тип отсутствует, они выбирают неподвижные акцентные типы с колонным ударением. То же относится к *-i-* и *-u-*основам. Это различие балто-славянской и греко-арийской акцентных систем могло бы быть воспринято как свидетельство их гетерогенности (ср. Kuryłowicz 1958), однако уже в самом начале сравнительно-исторических исследований в области акцентологии был замечен ряд соотношений и соответствий, указывавших на генетическую связь этих систем. Эти соотношения очень четко описал Фердинанд де Соссюр, фактически включив балтийскую акцентологию в индоевропейское сравнительно-историческое языкознание. А затем Иллич-Свитыч (1963) доказал генетическое тождество акцентологических материалов, образующих эти соотношения. Дело в том, что две греко-арийские акцентные системы (греческая и ведийская) сохраняют следы старого парадигматического состояния в виде двух акцентных типов непроезженных имен, генетически тождественных двум типам акцентных парадигм балто-славянского. Некоторое отклонение в ведийском было объяснено С. Л. Николаевым (ОСА Словарь: 53—74) и мной (Дыбо 2011b; 2011c, 2011d).

Наблюдения над парадигматическими акцентными системами показывают, что они в ходе исторического развития проявляют тенденцию преобразования в категориальные акцентные системы посредством генерализации определенных акцентных типов в определенных категориях основ. Случаев противоположного процесса пока не обнаружено.

Исследование протогерманской акцентной системы в глаголе показало ее парадигматический характер. Это надежно доказано для глаголов с корнями на нешумные (см. Дыбо 2010), а правило Клуге подтверждает парадигматический выбор акцентных типов для глаголов с корнями на шумные (см. Dybo 2011; Дыбо 2011a). Таким образом протогерманская акцентная система по своей организации оказалась значительно более близкой к балто-славянской, чем к греко-арийской. Единственно, что ее объединяет с греко-арийской, это, по-видимому, колонный характер акцентных парадигм.

Парадигматическая организация акцентной системы глагола в корпусе первичных глаголов с корнями на нешумные обнаружена и в кельто-италийских языках. Собственно, с установления этого факта и началась перестройка балто-славянской акцентологической реконструкции. В 1961 году я опубликовал работу «Сокращение долгот в кельто-

италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии» (Дыбо 1961). В ней мне удалось показать, что 44 именам, у которых индоевропейские долготы сохраняются как долгие в латыни и в кельтских языках, соответствуют имена с ударением на корне, то есть на соответствующей индоевропейской долготе, в языках, сохранивших индоевропейский разноместный акцент или его рефлекс; а 42 именам, в которых индоевропейские долготы сократились и представлены в латыни и в кельтских языках как краткие, соответствуют в языках, сохранивших разноместный индоевропейский акцент или его рефлекс, имена с конечным ударением (т.е. индоевропейские долготы находились в предударном положении)<sup>1</sup>. В дополнение к этим я привел 17 имен с сохранением долготы в латыни и в кельтских языках, у которых в балто-славянских соответствиях было накоренное ударение, а в древнеиндийском и греческом было конечное.

Я отметил, что акцент в балто-славянском «обычно объясняют как балто-славянскую инновацию, возникшую в результате оттягивания ударения на предшествующий акутированный слог (закон Хирта—Микколы). Данное сопоставление, по-видимому, исключает такого рода объяснение». В данном случае я не отвергал закон Хирта<sup>2</sup>, я сомневался в том, что 5 примеров группы А (точнее 4, так как пятый — *-n*-причастие) достаточно, чтобы перенести закон Хирта на кельто-италийский. Что касается остальных имен (*-to*- и *-tu*-основы), то их баритонеза мотивировалась акцентной парадигмой глаголов, от которых они были образованы. В разобранным материале было 7 *-tu*-основ с сокращением долгот, которым соответствовали супины балто-славянских глаголов подвижной акцентной парадигмы, и 7 *-tu*-основ с сохранением долгот, которым соответствовали супины балто-славянских глаголов неподвижной баритонированной акцентной парадигмы; было также 12 *-to*-основ с сокращением долгот, которым соответствовали *-to*-причастия балто-славянских глаголов подвижной акцентной парадигмы, и 13 *-to*-основ с сохранением долгот, которым соответствовали *-to*-причастия балто-славянских глаголов неподвижной баритонированной акцентной парадигмы. Не решая проблемы возникновения различий в акцентовке этих имен я рассчитывал получить объяснение двух акцентных парадигм балто-славянского глагола: «На основании вышеизложенного можно думать, что истоки основных акцентологических особенностей балто-славянского глагола надо искать не в состоянии, засвидетельствованном в древнеиндийском, а в факте включения в парадигму глагола двух различных по месту ударения категорий отглагольных имен (*-to*- и *-tu*-основ), которые послужили основой организации акцентных парадигм глагола; остальные формы выстраивались уже по акцентной парадигме» (Дыбо 1961: 33—34).

В таком объяснении складывания глагольных акцентных парадигм не было тогда ничего невероятного. Балто-славянские акцентные парадигмы глагола явно отличались от глагольных акцентных типов древнеиндийского. Йонас Казлаускас в своей «*Lietuvių kalbos istorinė gramatika*» (Kazlauskas 1968) объяснял это отличие безударностью финитных форм индоевропейского глагола в определенных позициях, перенося в индоевропейский особенности финитных форм древнеиндийского глагола. Остановившись на этом объяснении, я заключал: «Анализ причин образования двух акцентных парадигм отглагольных *-tu*- и *-to*-основ в рассмотренной выше группе индоевропейских языков может быть произведен лишь на более обширном материале, чем материал, представленный в данной статье» (Дыбо 1961: 34).

<sup>1</sup> При рассмотрении долгих слоговых сонантов как сокращенный рефлекс трактовались *-ar-*, *-al-* (< *\*-ā-*, *\*-ī-*), как рефлекс, сохранивший индоевропейскую долготу трактовались *-rā-*, *-lā-* (< *\*-ā-*, *\*-ī-*).

<sup>2</sup> Фр. Кортландт ошибается, утверждая: «On the basis of the Italic and Celtic material Dybo rejects this law...» (Kortlandt 1981: 6).

По-видимому, это заключение и побудило В. М. Иллич-Свитыча откликнуться на мою работу статьей «К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балто-славянском (о „втором правиле Дыбо“» (Иллич-Свитыч 1962). Он полностью принял основной результат моего исследования: сокращение в кельто-италийском индоевропейских долгот в предупредительном положении и сохранение индоевропейских долгот под ударением, а те случаи, в которых кельто-италийское накоренное ударение соответствует балто-славянскому и расходится с греко-арийским конечным ударением, попытался объяснить законом Хирта, распространив его на кельто-италийский. Этот закон до сих пор позиционно не определен. Если его определить как перенос ударения на предшествующий акутированный слог, то все имена с сокращенными индоевропейскими долгими гласными должны были подвергнуться этому закону.

Опираясь на работу Бонфанте (Bonfante 1934—1935) и на собственные исследования в области латышских интонаций (Иллич-Свитыч 1961), В. М. Иллич-Свитыч спускает на балто-славянский, а затем на балто-славянско-кельто-италийский уровень две латышские интонации, восходящие к балто-славянскому акуту (~ и ^), реконструируя фактически для западного индоевропейского три интонации долгих слогов: 1. циркумфлекс, 2. восходящую (´) и 3. прерывистую (ломаную). Этим он обеспечивал позицию действия закона Хирта: перенос ударения происходил на предшествующий долгий слог с восходящей интонацией и не происходил на слог с прерывистой интонацией. Это был смелый правильный ход, ведь правило Эндзелена очень хорошо позволяет отличать «подвижный акут» от «неподвижного акута», но его интерпретация как результата процесса оттягивания ударения на предшествующий слог наталкивается на массу необъяснимых случаев: *mīlāks*, *īlgāki*, *liēlāks* и подобные не могут объясняться оттяжкой ударения, так как первоначальное ударение находилось на корне, да и в случаях *jaiŋnākās*, *plānākā* и подобных остается неясным на какой слог оно перетягивалось и почему сохранялась плавная интонация.

Сейчас мы принимаем два типа акута, доминантный акут (акут, построенный на высокотональном слоге) и рецессивный акут (акут, построенный на низкотональном слоге). Но для того, чтобы объяснить все факты, в которых кельто-италийский по месту ударения согласовался с балто-славянским и противоречил греко-арийскому («второе правило»), В. М. Иллич-Свитычу нужно было объединить баритонированные *-to-* и *-tu-*основы с немотивированными именами, которые подходят под это «второе правило», а этому мешали германские *-to-* и *-tu-*основы, которые показывали два акцентных типа (баритонированный и окситонированный) так же, как кельто-италийский, при том, что германский не обнаруживал никаких следов действия закона Хирта. Иллич-Свитыч попытался оспорить мою трактовку этих имен как мотивированных акцентными парадигмами производящих глаголов, но устранить факт, что в германском два акцентных типа отглагольных прилагательных на *-to-* (окситонный и баритонный), ему не удалось. В дальнейшем я представил 12 германских баритонированных причастий и *-to-*прилагательных и 12 окситонированных; у 9 из первой группы устанавливается связь с балто-славянской неподвижной акцентной парадигмой, у 8 из второй группы — связь с балто-славянской подвижной акцентной парадигмой (Дыбо 2011а).

В. М. Иллич-Свитыч продолжал работать в области балто-славянской акцентологии и очень скоро убедился, что поставленная проблема так просто не решается, и уже отклик своей статьи подарил мне с надписью: «Володе от раскаявшегося автора». Результатом этой дискуссии было некоторое увеличение числа кельто-италийских примеров, в которых можно усмотреть действие закона Хирта. Добавились: 1. др.-ирл. *áth* ‘Furt, offener Raum’ (< \**iá-tu-s*); ср.-валл. *adwy* f. ‘Bresche, Durchgang, Lücke’, брет. *ode*, *oade* f. ‘Öffnung

im Zaum für Vieh oder Wagen' ~ слав. \**iáto* н. 'стая' (ц.-слав. *гѣто* н. 'agmen'; русск. диал. *я́мво* 'Zug, Schwarm Fische'; болг. *ямо* 'стая (птиц)', схрв. *jàto* 'Herde, Zug (von Tieren, Vögeln)'); но др.-инд. *yātám* 'Gang, Weg, Fart', при лтш. *jāju, jāt* 'reiten'. Были поддержаны в этом толковании: 2. лат. *grānum* : ирл. *grán*; 3. лат. *fāgus* (при греч. φηγός; 4. др.-валл. *di-auc* 'вялый, небыстрый' (при др.-инд. *āsúh*, греч. ὠκύς); 5. лат. *clāvus* 'запор' (при греч. дорич. κλάϊς). Отпало ирл. *lán* 'полный', валл. *llawn* (афганский подтвердил баритонезу этого прилагательного).

Продолжение дискуссии осуществилось двадцать лет спустя, когда Фредерик Кортландт познакомил англоязычного читателя с выводами и материалом моей работы в статье «More Evidence for Italo-Celtic» (Kortlandt 1981). Уже со статьи Фр. Кортланда проблема была перенесена в область ларингалистики. Хотя во всех примерах речь шла о долготе гласного и о ее сокращении, вопрос трактовался как «выпадал ли ларингал перед слогом с ударным гласным и переставлялся ли он или не переставлялся, когда ударение ставилось на следующий слог».

В моей работе, к сожалению, на очень маленьком материале (меньше полутора ста основ) была показана акцентная система языка с парадигматическим выбором акцентных типов, уже значительно продвинувшегося в направлении к категориальному выбору: 1. генерализация конечного ударения в образованиях с суффиксами на *-k-*; 2. генерализация насуффиксального ударения в глаголах с суффиксом *-ā-*; 3. генерализация конечного ударения в кельтских герундивах; 4. генерализация конечного ударения в кельтских причастиях на *-tjo-*, при сохранении реликта двойственности акцентных типов (др.-ирл. *snáthe*). Ей противопоставлялся разбор, насколько эти выводы согласуются с выдвинутыми ларингалистскими предложениями. Эти гипотетические предложения выступали в качестве меры истинности.

В моей германистической работе, по-видимому, достаточно ясно было показано, что все ларингалистские объяснения закона Хольцмана (*Verschärfung*) должны быть отброшены, а истина лежит в давно предложенном Микколой (на типологических основаниях) объяснении, которое подтверждают балто-славянские акцентологические сравнения (Дыбо 2007). Впрочем, мое второе правило было проигнорировано, то есть сохранение долготы не связывалось с баритонезой, да и сокращение рассматривалось как спорадическое явление, и иногда указывалось на предложенное мной правило. Акцентологические сближения (после Фр. Кортландта), как правило, не приводятся, балто-славянские особенности обычно объясняются законом Хирта, очень часто окситонеза объясняется постоянной (?) ударностью суффикса *-to-*, некоторые исследователи считают, что все *-t*-суффиксы ударны (*-tu-* и *-ti-*). Так обстоит дело в двух больших работах Схрейвера (Schrijver 1991 и Schrijver 1995). То же впечатление от ряда других работ (сугубо кельтологическую литературу я не смог просмотреть в полном объеме). На отбрасывание рефлексов *-ar-* и *-al-* (< *-r̄-* и *-l̄-*) я ответил в Дыбо 2007, могу добавить лишь, что очень странно выглядит отбрасывание основных сближений и замены их корневыми этимологиями.

В настоящее время дискуссия продолжается. Исследователи разделились на не принимающих предложенное мной правило и принимающих это правило (по-видимому, в основном, как спорадическое сокращение в предупредительном положении). Но в ходе дискуссии материал увеличивается. Не принимающие правило собирают материал, фактически подтверждающий парадигматический выбор. Так 30 примеров, приводимых Исаак'ом, по его мнению опровергающих правило сокращения, достаточно точно соответствуют «второму правилу». Отбросив мои (и Педерсена!) рефлексы сокращенных \**-r̄-*, \**-l̄-* > *-ar-*, *-al-*, исследователи заменили их на *-rǎ-*, *-lǎ-*. В этой группе наблюдается ряд любопытных примеров. Из них наиболее интересны:

1. кельт. \**gnāto* (ср.-валл. *ygnat* ‘judge, magistrate’, ‘знаток, судья’; др.-ирл. *at-na-bot*, ср.-валл. *az-na-voud* ‘knowing’) — √*ġneh*<sub>3</sub>- ‘erkennen’ || Irslinger 2002; Isaac 2002: 28 (< \**ġnh*<sub>3</sub>-*tó*-);
2. кельт. др.-ирл. *mrath* n. ‘Betrug, Verrat’, валл. *brad* ‘betrayal’, ‘предательство, измена’ ~ др.-ирл. *marnaid* ‘betrügt’; др.-инд. *mṛṇāti* ‘zermalmt’ — √*merh*<sub>2</sub> ‘gewaltsam packen, zerdrücken’ || Irslinger 2002: 271; Isaac 2002: 28 (< \**mrh*<sub>2</sub>-*tó*-); Pok.: 735—736; LIV<sub>2</sub>: 440;
3. кельт. др.-ирл. *rath* m, n. ‘Gnade, Tugend, Geschenk’, валл. *rhad* ‘grace’, ‘благосклонность, милость’; др.-инд. *prṇāti* ‘gibt, schenkt, spendet’, лат. *parō, -āre* ‘bereiten, erwerben’; др.-ирл. *ebarth-i* ‘wird es gewähren’ — √*perh*<sub>3</sub>- ‘verschaffen’ || Irslinger 2002: 272; Isaac 2002: 28 (< \**prh*<sub>3</sub>-*tó*-); Pok.: 816 f.; LIV<sub>2</sub>: 474;
4. кельт. др.-ирл. *srath* m. ‘Gras, Rasen, Tal, Grund’, валл. *ystrad* ‘valley’; др.-инд. *strṇāti* ‘breitet hin’; греч. στόρνυμι ‘breite aus, streue’ — √*sterh*<sub>3</sub>- ‘hinbreiten, ausbreiten’ || Irslinger 2002: 275; Isaac 2002: 28 (< \**strh*<sub>3</sub>-*tó*-); Pok.: 1029; LIV<sub>2</sub>: 599;
5. кельт. \**frasnā* ‘part’, ‘часть, доля’: др.-ирл. *rann* f. [ā]; др.-валл. *rann* ‘share’, ‘часть, доля’, ср.-валл. *ran, rann* f. — √*perh*<sub>3</sub>- ‘bear, provide’ || Matasović 2009: 138—139 (< \**prh*<sub>3</sub>-*snéh*<sub>2</sub>- ‘gift, share’ ); Pok.: 817.

Сходный тип сокращения долгого мы находим в следующем примере:

6. кельт. \**fotlo-* ‘drink, act of drinking’: др.-ирл. *ól, óol* n. — √*peh*<sub>3</sub>(*i*)- ‘trinken’ || Matasović 2009: 137—138 (< \**peh*<sub>3</sub>-*tló-* > \**pōtló-* > \**potlo-*); LIV<sub>2</sub>: 462; Pok.: 839—840.

Все три суффикса, представленные в данных производных (субстантивизирующий *-to*<sup>3</sup>, *-snā-*, *-tlo-*) — доминантные, все корни рецессивны или могут быть таковыми: 1. корень √*ġneh*<sub>3</sub>- ‘erkennen’ — обычно доминантный, но встречается и рецессивное употребление; 2. корень √*perh*<sub>3</sub>- ‘verschaffen’ (в двух основах) — рецессивный; 3. √*sterh*<sub>3</sub>- ‘hinbreiten, ausbreiten’ — рецессивный; 4. √*peh*<sub>3</sub>(*i*)- ‘trinken’ — рецессивный; 5. для установления акцентуационной валентности корня √*merh*<sub>2</sub> ‘gewaltsam packen, zerdrücken’ нет материала. В основах с акутированными рецессивными корнями при доминантных суффиксах в балто-славянском происходила метатония (корни становились доминантными, а «рецессивный» акцент заменялся «доминантным» циркумфлексом). Ударение при этом ставилось на вторично доминантном корневом слоге. До метатонии ударение, конечно, при рецессивном корне стояло на доминантном суффиксе. Но вся проблема в том, когда произошла эта метатония. В ведийском в словах с рецессивными корнями и с доминантным суффиксом *-tlo-* ударение стоит на корне. Это значит, что метатония в индоевропейском произошла раньше, чем из него выделился индоиранский. Следовательно, в кельтском суффиксальное ударение в этих основах могло стоять лишь в том случае, если он выделился из индоевропейского значительно раньше индоиранского, да и, по-видимому, раньше всей грекоарийской группы. Очевидно, будет более осторожным, если мы примем, что метатония в подобных основах уже произошла и резко восходящий акцент на метатонизированном корневом слоге вызвал метатезу сочетаний *-ar-*, *-an-* > *-rā-*, *-nā-* и сокращение *-ō-* > *-ō̄-*.

В ведийском имеются основы с суффиксом \**-tlo-* и с ударением на этом суффиксе; но это основы с первично доминантными корнями, в которых ударение с доминантного корня было сдвинуто на следующий доминантный суффикс, это явление можно истолковать как процесс передвижения ударения с начала высокотоновой платформы на ее конец. Локальность этого процесса показана мною на материале дардского языка *шина*, сохранившего древнеиндийский разноместный акцент. В этом языке в подобных формах

<sup>3</sup> Суффикс отглагольных прилагательных *-to-* рецессивный и подвижность их акцентной парадигмы и, соответственно, окситонеза в грекоарийском возникли из-за доминантности окончаний.

это передвижение не произошло: все такие основы в нем имеют накоренное ударение. Такое же положение в дардских языках дамели, пхалура и майан.

Исследование С. Л. Николаевым различий в распределении акцентных типов ведийских и греческих первичных имен (ОСА Словарь: 53—74) привело к установлению позиций этого акцентологического процесса, значительно сместившего распределение акцентных типов в ведийской акцентной системе и фактически сломавшего систему парадигматического выбора в словообразовании и в глагольной системе. Мое исследование разноместного акцента в пушту показало следы гомогенности иранской системы с балто-славянской. Первичное состояние индоарийской акцентной системы достаточно полно реконструируется на материале дардских и нуристанских языков, сохранивших индоиранский разноместный акцент или его рефлексy и реликты, см. Дыбо 2011b, Дыбо 2011c, Дыбо 2011d.

В результате акцентологического анализа, таким образом, мы в определенном отношении возвращаемся к членению индоевропейской языковой территории, проведенному А. Шлейхером. Выделяется **архаическая** северо-западная область: балто-славянский, германский, кельто-италийский, — и **инновационная** юго-восточная: индоиранский, греческий и, возможно, другие языки, от которых в настоящее время отсутствует акцентологический материал. Интересно было бы понять место анатолийской группы, но до сих пор релевантного для акцентологических сопоставлений материала здесь также не получено.

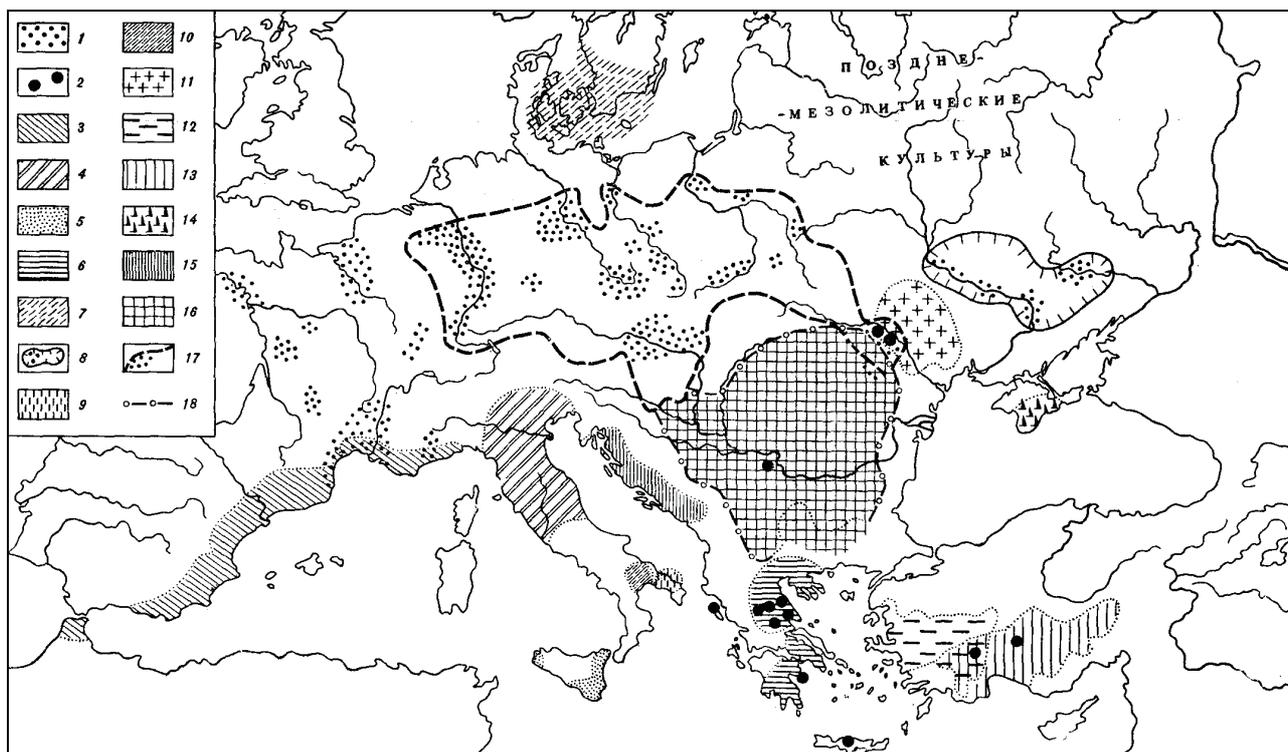
Что касается того, как могло сложиться такое деление для «внутренних» индоевропейских языков, обратимся к доступным широкому читателю археологическим данным.

Бросается в глаза наметившееся в европейской археологии выделение двух генетически связываемых «блоков» археологических культур, в определенных случаях рассматриваемых как хронологические цепочки генетически связанных археологических культур. Наиболее решительно организация этих «блоков» декларируется в книге В. А. Сафронова «Индоевропейские прародинy» (1989); но указание на связи этих культур мы находим и в работах других исследователей.

**I.** Блок, который можно, предположительно, связать с северокавказской языковой семьей (см. карту 1).

1. Старчево — Криш — Кёрёш — Караново (вторая половина 6-го — первая половина 5-го тыс. до н. э. — 4-е тыс. до н. э.).

2. Культура линейно-ленточной керамики (5-е тыс. до н. э.; в лёссовых областях на большом пространстве [почти 1600 км в длину и около 1000 км в ширину] от Белграда до Брюсселя и от Рейна до Вислы и Днестра [захватывает также Чехословакию, территорию Германии и Южные Нидерланды]; в позднем периоде племена линейно-ленточной керамики занимали часть Франции [Парижский бассейн] и Румынию [северо-восток страны и Валахию]. О генезисе культуры линейно-ленточной керамики А. Л. Монгайт пишет следующее: «По мере изучения культуры линейно-ленточной керамики и установления ее периодизации возникла мысль о ее генетической связи с культурой старчево-криш. Но это был не тот народ, который создал тели на Балканах, так как формы поселений коренным образом различаются» (Монгайт, 1: 224). Но после изложения позиции Г. Чайльда он занимает более решительную позицию: «Гораздо более решительно, чем Чайльд, говорят о связях культуры линейно-ленточной керамики с культурой кёрёш другие исследователи. Формы керамики — сосуды для ношения на спине, чаши на ножках, шаровидные сосуды и т. п., способы орнаментации, состав глины и поверхность сосудов этих культур очень сходны. Сходство традиции видно и в некоторых глиняных фигурках и гравюрах на сосудах (изображения людей, двойных секир), и в полированных каменных орудиях. Все это свидетельствует о генетических связях культур» (Монгайт, 1: 229—230).

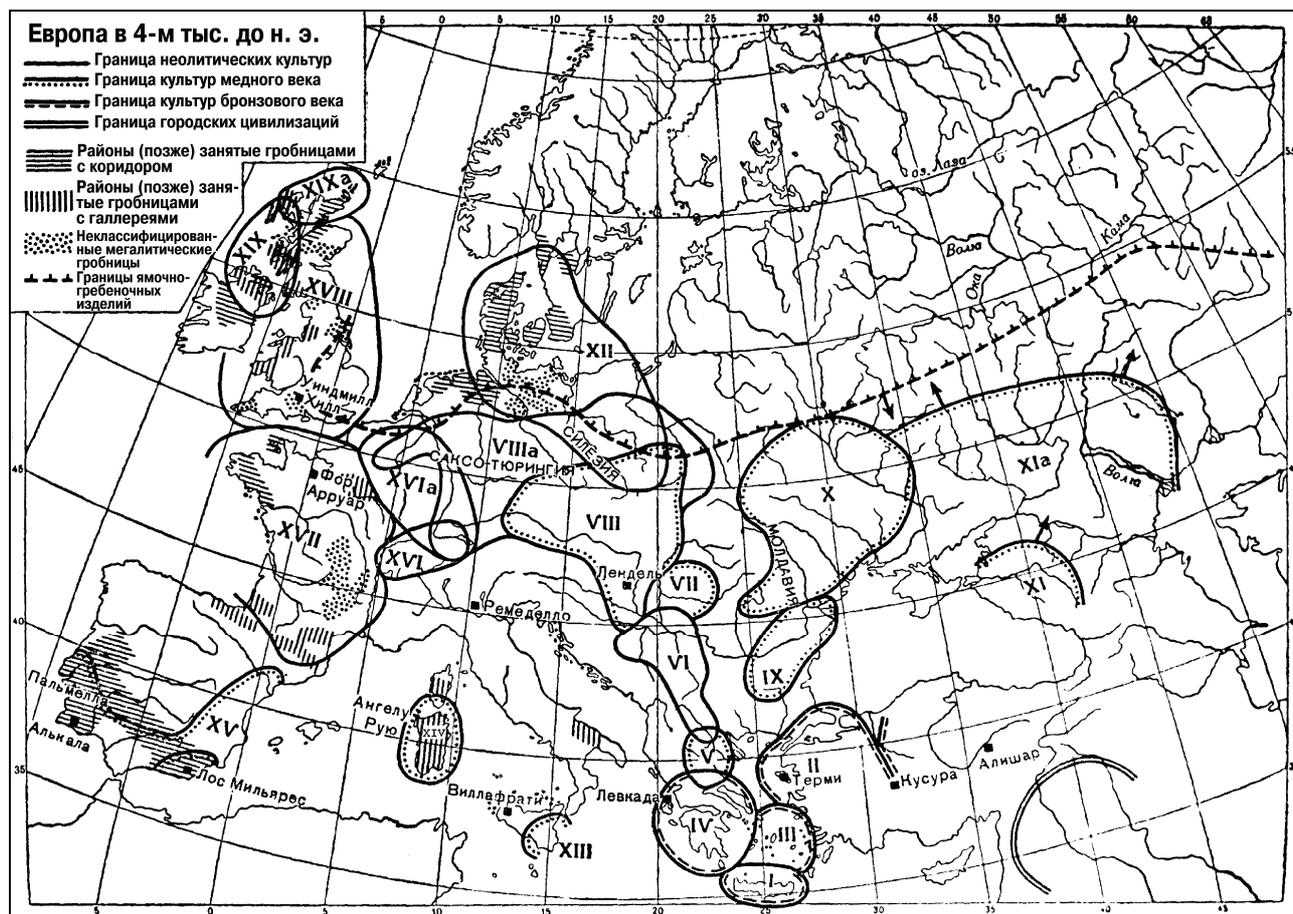


Карта 1 (цит. по: История Европы, 1: 670). Неолитизация Европы — конец 7-го, 6-е и 5-е тыс. до н. э. Основные культуры и культурно-исторические общности. 1. Основная концентрация памятников культуры Шассей. 2. Памятники и группы памятников протонеолита и докерамического неолита. 3. Ареал культуры керамики импрессо в Западном Средиземноморье. 4. Территория распространения культуры Сассо-Фьорано. 5. Ареал культуры Стентинелло на Сицилии. 6. Территория распространения культур Протосекско и радужной керамики. 7. Территория распространения позднемезолитической культуры Эртебёлле. 8. Ареал днепро-донецкой культуры с районами наибольшей концентрации памятников. 9. Распространение памятников с керамикой Cardium в Южной Италии. 10. Распространение памятников расписной керамики типа Матера. 11. Ареал памятников буго-днестровской культуры. 12. Территория распространения памятников культуры Хаджилар VI. 13. Территория распространения памятников культуры Чатал Хёйюк. 14. Неолитические памятники Крыма. 15. Распространение памятников с керамикой Cardium в Югославии. 16. Территория распространения культурно-исторической общности Караново I — Старчево — Кёрёш — Криш. 17. Границы ареала культуры линейно-ленточной керамики и наибольшая концентрация ее памятников. 18. Западная, северная и восточная границы ареала культурно-исторической общности Караново I — Старчево — Кёрёш — Криш.

Поздние варианты культуры линейно-ленточной керамики: железовская культура [Восточная Австрия], культура альфёльд [от Мароша и вдоль Тисы достигает Восточной Словакии] L культура бюкка [буковогорская, вдоль Верхней Тисы в горах Бюкка в Северной Венгрии и в Восточной Словакии]; культура тисы [бассейн Тисы].

3. Культура накольчато-ленточной керамики (территория Чехии, Средней Германии и Силезии; варианты: хинкельштейнская, ниерштейнско-гейдельбергская и рёссенская культуры) (после 4000 г. до н. э.).

4. Трипольская культура (Правобережная Украина, Молдова, в Румынии называется культурой Кукутени); ранний этап (4000—3600 г. до н. э.) — поселения Лука Врублевецкая, Ленковци, Солончены I и II, Флорешты, Бернашевка и др. (Поднестровье), Сабатиновка II, Александровка (Побужье). «Происхождение дискуссионно; в основе — неолитические племена, среди которых особая роль принадлежала носителям культур *Боян*, *Кереш* и



Карта 2 (цит. по: Чайлд 1952: 456, с незначительными поправками). I. Раннеминойская цивилизация. II. Западноанатолийская культура. III. Раннекикладская культура. IV. Раннеэлладская культура. V. Раннемакедонская культура. VI. Культура Винча (вардар-моравская культура). VII. Культура Тиссы. VIII. Культура Лендел. VIIa. Культура накольчатоленточной керамики. IX. Культура Гумельницы. X. Трипольская культура. XI. Кубанская культура. XIa. Степные культуры (?). XII. Культура воронковидных кубков. XIII. Культура I сицилийского периода. XIV. Культура санмикеле. XV. Культура лос-мильярес и ее ответвления. XVI. Культура кортайо-лагоцца. XVIa. Михельсбергская культура. XVII. Культура Шассей. XVIII. Уиндмиллхиллская культура. XIX. Культура бичарра. XIXa. Уистанская культура. XX. Лесные культуры с гребенчатым орнаментом.

линейно-ленточной керамики» (Брей & Трамп: 251). Одним из компонентов формирования трипольской культуры явилась также буго-днестровская культура (см. Брей & Трамп: 41). Т. С. Пассек и Е. К. Черныш однако вообще не связывают трипольскую культуру с культурой линейно-ленточной керамики, считая ее предшествующий этап — «южно-бугскую», соответствующей непосредственно культуре кёрёш, а раннее Триполье возводят к культуре боян, соответствующей «концу Винча А» (см. Пассек & Черныш 1963: 39).

Затем следы культур, которые можно было бы отнести к данному блоку и связать с предшествующими, на территории Европы не прослеживаются. По-видимому, их перекрыли или преобразовали культуры, относящиеся ко второму блоку культур.

**II. Блок, который можно, предположительно, связать с индоевропейской языковой семьей (см. карту 2).**

1. Культура Винча (вардар-моравская) — с середины 5-го тыс. до н. э. до середины 4-го тыс. до н. э. (по одним данным) или до первой четверти 3-го тыс. (по другим дан-

ным), распространена за Балканским хребтом от долины Моравы до окраин дунайских лёссовых равнин близ Белграда.

2. Лендзел (4-е тыс. до н. э.; Среднее Подунавье и западная часть Карпатского бассейна, включая междуречье Савы и Дравы на юге и Силезию, Малопольшу на севере).

3. Культура воронковидных кубков (точнее, культурная область распространения воронковидных кубков). 3000 г. до н. э. — 1800—1600 гг. до н. э., по другим данным 3350 г. до н. э. (на севере — юг Скандинавского полуострова [Южная Швеция], на востоке — юго-западная граница Литвы и запад Белоруссии, Воынь и бассейн Буга. «Эта культура ... может быть подразделена на четыре группы: 1) северную — в Дании и Южной Швеции; 2) западную — в Нидерландах и северо-западной части ФРГ; 3) восточную — в ГДР, Польше, западных областях СССР; 4) южную — в юго-восточной части ФРГ, Чехии и юго-западных областях СССР» (Монгайт, 1: 273).

4. Культура шаровидных амфор. Вторая половина 3-го тысячелетия до н. э. (На западе — область Заале-Эльбы и Хафеля, в центральной части ФРГ, на севере до Балтийского моря между Ютландией и бассейном Немана, на юге до Румынии и на востоке до Воыни и Подолии. «Культура тесно связана с культурой *воронковидных кубков* и *шнуровой керамикой*, хотя характер этих связей до сих пор не уточнен» (Брей & Трамп: 284). «Различают три группы памятников культуры шаровидных амфор: 1) восточную, простирающуюся от Среднего Днепра до прибалтийских областей Польши (здесь открыто около 170 погребальных памятников и около 40 поселений); 2) силезскую, плохо изученную и известную главным образом по типичной керамике со штампованным и шнуровым орнаментом; 3) западную, известную по 150 открытым погребениям и нескольким поселениям» (Монгайт, 1: 278—279).

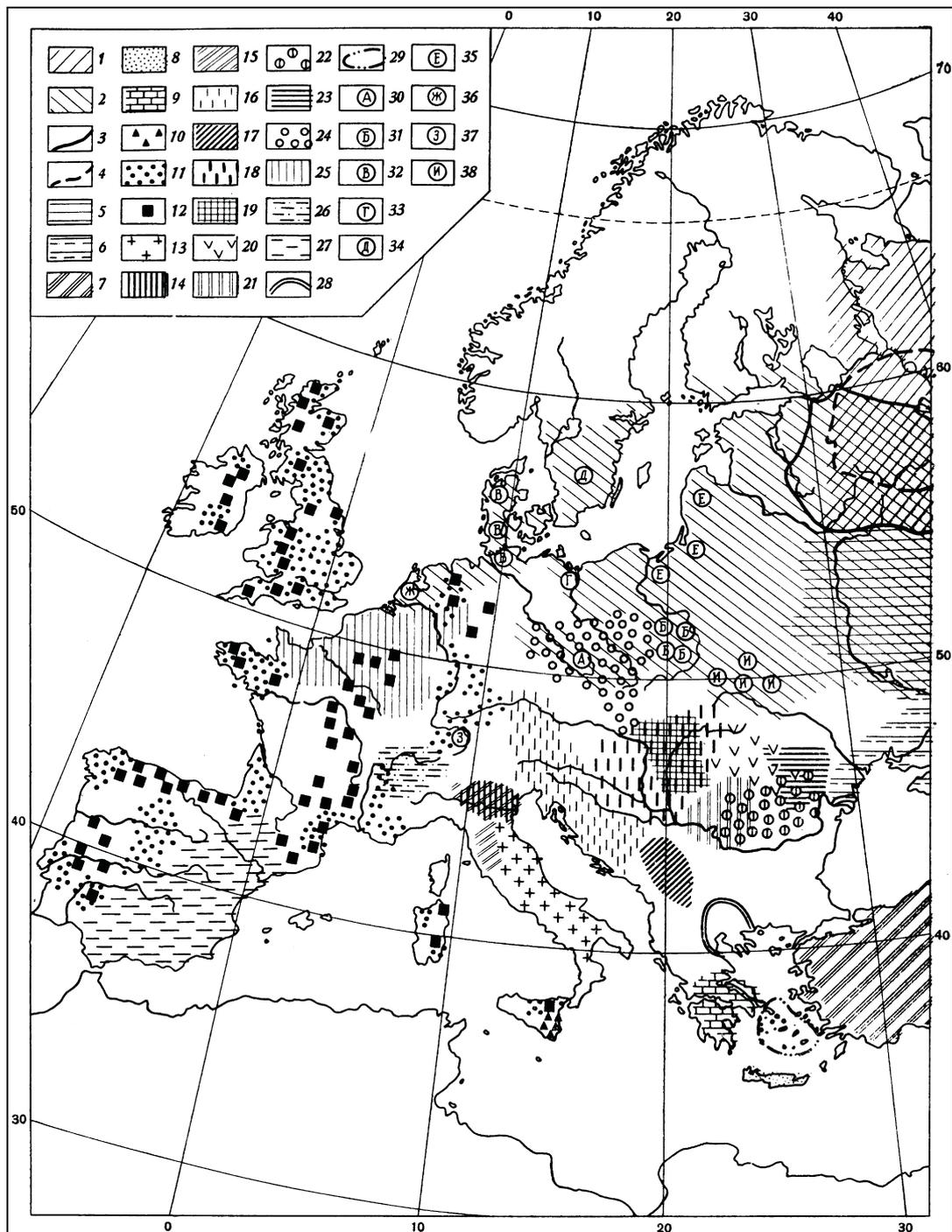
5. Культура шнуровой керамики, или культура боевых топоров. Радиоуглеродные даты появления культур с боевыми топорами на севере Европы 2485 ± 320 и 2245 ± 120 гг. до н. э. Эти культуры занимали громадную территорию от Волги до Рейна и от Финляндии и Южной Скандинавии до Швейцарии (см. карту 3).

Важнейшие разновидности культуры шнуровой керамики:

1) Саксо-тюрингская культура шнуровой керамики и ряд родственных ей культур в Средней Европе. Саксо-тюрингская культура была распространена в бассейне Заале, к юго-востоку от Центральной Чехии и к западу от Рейнской области и Центральной Швейцарии. Г. Чайлд называет ее «классической»; к этой характеристике А. Л. Монгайт дает примечание: «Теперь «классическими» культурами шнуровой керамики называют несколько групп, ранее относившихся к саксо-тюрингской: собственно саксо-тюрингскую, верхнелужицкую, богемскую, моравскую, южногерманскую, западно- и северошвейцарскую» (Монгайт, 1: 323). «Видна зависимость этой культуры от культуры шаровидных амфор. ... Начало культуры датируется 2200—2100 гг. до н. э., исчезновение — 1900—1800 гг. до н. э. и, вероятно, связано с появлением унетичской культуры бронзового века, одним из компонентов которой могли стать племена культуры шнуровой керамики» (Монгайт, 1: 281—282).

2) Культура злота в Польше: район большой излучины р. Вислы. Названа по могильнику у местечка Злота близ Сандомира в Южной Польше; датируется 2200—1700 гг. до н. э.

3) Культура шнуровой керамики Юго-Восточной Прибалтики. «Своеобразная культура шнуровой керамики существовала в Юго-Восточной Прибалтике, ее называли *Haffküstenkultur* в ГДР или культурой Жуцево (*Rzucewo*) в Польше (по поселению в дельте Вислы). Х. А. Моора называет эту культуру висло-неманской. Среди ученых нет единого



Карта 3 (цит. по: Монгайт, 2: 51). Европа в первой половине 2-го тыс. до н. э. Археологические культуры. 1: культуры ямочно-гребенчатой керамики; 2: культурно-историческая область шнуровой керамики и боевых топоров; 3: фатьяновская; 4: волосовская; 5: приднепровская; 6: катакомбная; 7: западноанатолийская область культур среднего бронзового века; 8: среднеминойская; 9: среднеэлладская; 10: кастелучьо; 11: колоколовидных кубков; 12: распространение мегалитических сооружений; 13: апеннинская; 14: полада; 15: ремеделло; 16: альтгейм — мондзее — вучедол; 17: бубани-хум; 18: хатван; 19: тосег; 20: витенберг; 21: ватина; 22: глина — шнекенберг; 23: монтеору; 24: унетичкая; 25: Сены — Уазы — Марны; 26: Роны; 27: лос-мильярес и пальмела; 28: среднемакедонская; 29: среднекикладская.

Отдельные культуры, входящие в область шнуровой керамики. 30: саксо-тюрингская; 31: злота; 32: одиночных погребений; 33: одрская; 34: ладьевидных топоров; 35: висло-неманская; 36: нижнерейнская культура кубков; 37: верхнерейнская культура кубков; 38: шнуровой керамики Западной Украины.

мнения об ареале этой культуры. Одни исследователи считают, что в Восточной Прибалтике жили племена культуры боевых топоров, не связанные с висло-неманской группой, другие считают висло-неманскую (жуцевскую) культуру и культуры боевых топоров на территории Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии лишь разными ответвлениями одной и той же культуры» (Монгайт, 1: 282). «В Восточной Прибалтике племена боевых топоров проникли не во все области, занятые охотничье-рыболовческими племенами. Как и в других областях Восточной Европы, те и другие обитали в смежных, но разных районах. Кроме того, в пределах Эстонии и Финляндии племена боевых топоров не сумели сохранить свой культурные традиции и к концу 2-го тысячелетия до н. э. растворились среди местного населения. В Юго-Восточной же Прибалтике охотничье-рыболовческая культура полностью исчезла с появлением племен шнуровой керамики» (Монгайт, 1: 283).

4) Культура одиночных погребений в Дании, ФРГ и Нидерландах; в Дании культура боевых топоров появляется около 2000 г. до н. э. Поселения почти неизвестны.

5) Шведско-финская культура ладьевидных топоров. Ладьевидных топоров культура — составная часть северных культур одиночных погребений; в Швеции, Финляндии, на Борнхольме и восточных датских островах.

6) Культура кубков с утолщенным дном (нижнерейнская культура кубков). *Кубки с утолщенным дном* характеризуются расширяющимся горлом, S-образным профилем и плоским утолщенным дном. «Сосуды украшались *шнуровым орнаментом*, отпечатками зубчатой лопаточки или насечками (при помощи рыбных косточек), принадлежали культуре, для которой типичны одиночные захоронения в грунтовых ямах или под *курганами*, использование *боевых топоров*. Эти признаки говорят о том, что культура представляет собой голландскую ветвь широко распространенного комплекса *шнуровой керамики* — боевых топоров или культур *одиночных погребений*. ... Радиоуглеродный анализ позволяет датировать К.у.д. 2500—1900 гг. до н. э.» (Брей & Трамп: 127). Культуры одиночных погребений — «общее название пришлых культур, появившихся в Северной Германии, а также в Скандинавии в позднем неолите (2500—2000 гг. до н. э., см. *Воронковидных кубков культура*). Обряд предусматривал *ингумацию* под *курганом* или в нем, иногда в яме или *домике мертвых*. Этот обряд, так же как использование каменных *боевых топоров* и керамики, украшенной *шнуровым орнаментом*, связывает культуры О.п. с огромным комплексом шнуровой керамики-боевых топоров, который в св очередь многими учеными выводится из южнорусских курганных культур (см. *Кубки с утолщенным дном*)» (Брей & Трамп: 180).

7) Фатьяновская и ряд родственных ей культур на территории СССР. Распространена в центре европейской территории России, названа по могильнику у деревни Фатьяново Ярославской области; 1-я половина 2-го тысячелетия до н. э., известна в основном по могильникам.

Рассмотрение географического распределения культур, которые мы атрибулируем в данном случае как индоевропейские, приводит к выводу, что побережье Балтийского моря было занято индоевропейцами еще в период культуры воронковидных кубков, культура шнуровой керамики значительно расширяет эту территорию, но каких-либо принципиальных территориальных изменений в размещение местных вариантов не вносит. Самым важным моментом в этом расширении представляется распространение индоевропейцев на восточную территорию Прибалтики, так как по свидетельству археологов с этого времени на этой территории не усматривается сколько-либо значительных передвижений населения и смен культур: «Пожалуй, наиболее аргументированы с археологической точки зрения доказательства тех ученых, которые основывают свои выводы на том, что на территории Юго-Восточной Прибалтики со времени существова-

ния племен шнуровой керамики до времени исторических балтов не наблюдалось существенных передвижений населения, которые нарушили бы преемственность развития культуры» (Монгайт, 1: 286). Из этого следует ранняя локализация (со времени культуры воронковидных кубков) балто-славянского и протогерманского языков на побережье Балтийского моря и расхождение их в период культуры шнуровой керамики. Балтославяно-германское языковое единство подтверждается их значительной близостью в области глагольной системы и, по-видимому, тождественность акцентной системы глаголов с корнями I класса (корни на нешумные), см. Дыбо 2003: 157—159. О значительном расширении территории балтийских диалектов на восток, возможно, связанном с движением на восток культуры шнуровой керамики, по-видимому, свидетельствуют балтийские заимствования в волжско-финских языках, см. Серебренников 1957.

Если исходить из представленной выше раскладки неолитических и энеолитических археологических культур и сопоставить их даты с глоттохронологическими датами отделения индоевропейских языков, то анатolianской группе вообще нет места на карте Европы: время отпадения хеттского языка от индоевропейского определяется как 4880 г. до н. э.<sup>4</sup> Согласно этой датировке он по любой современной концепции прародины индоевропейских языков должен был отделиться от индоевропейского еще в Передней Азии. Время отделения тохарской группы определяется как 3880 г. до н. э. Можно было бы связать эту группу с культурой Ленджел, но эта культура лежит на территории, от которой отходят и на которую наслаиваются другие «индоевропейские» культуры, поэтому трудно связывать с этой территорией процесс изоляции какой-либо индоевропейской группы. Напрашивается другое предположение: это трипольская культура, одним из компонентов ее была культура *Боян*, которая рассматривается как ответвление культуры Винча (см. Монгайт, 1: 241—242), правда в основе трипольской культуры лежала, как предполагают культура линейно-ленточной керамики или культура кёрёш, относимые по нашей схеме к блоку, связываемому с северокавказской языковой семьей, но ведь все индоевропейские сообщества при колонизации Европы должны были наслаиваться и ассимилировать или ассимилироваться, объединяясь с этими «северокавказскими» группами и разрывая связи с родственными индоевропейскими. Из остальных глоттохронологических дат обращает на себя внимание датировка распада между индоиранским, балто-славянским, германским и италийским: 2840—2480 гг. до н. э., — которая может также показывать в определенной степени как датировку обособления группы северных индоевропейских языков от южных групп (германский и латинский отделяются от них в 2840 г. до н. э., балто-славянский в 2720 г. до н. э.), так и отделение центральной группы индоевропейских языков от северной и южной групп (так прагерманский «отделяется» от латинского в 2480 г. до н. э., а греческий от албанского в 2760 г. до н. э.). Такая датировка хорошо соотносится с процессом распространения на север культуры воронковидных кубков и культурными процессами, последовавшими за ним.

Представляется, что пока это всё, что может дать подобное сопоставление языковых материалов и глоттохронологических датировок с археологической картой неолита и энеолита Европы. Именно в этот период происходит выделение основных индоевропейских семейств и этот процесс вполне может быть связан с европейской археологической картой. Всякое другое рассмотрение вынуждает перенести процесс распада индоевропейского праязыка за пределы Европы, что связано с рядом неудобств, как матери-

<sup>4</sup> Глоттохронологические датировки здесь и ниже даются по спискам, составленным в рамках проекта исследований дальнего родства под руководством С. А. Старостина и обработанным компьютерной программой Starling: см. подробно <http://starling.rinet.ru/>.

альных, так и теоретических: отсутствие археологической карты, необходимость объяснить единство адреса передвижения у уже разделенных сообществ и под.

Можно предположить, что определенное значение для резкого упрощения акцентной системы греко-арийской группы имел выход носителей юго-восточных языков в степь. Население юго-восточной группы перешло к отгонному скотоводству, что увеличило подвижность, расширило разноязыковые контакты, что ускорило изменение языка, разрушило и упростило тонкие просодические системы.

### Литература

- Брей & Трамп — У. БРЕЙ, Д. ТРАМП. *Археологический словарь*. М., 1990. [U. BREJ, D. TRAMP. *Arkheologicheskij slovar'*. M., 1990.]
- Дыбо 1961 — В. А. ДЫБО. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 5, 1961. С. 9—34. [V. A. DYBO. Sokraschenie dolgot v kel'to-italijskikh yazykakh i ego znachenie dlya balto-slavyanskoj i indoevropеjskoj akcentologii // *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*. Vyp. 5, 1961. S. 9—34.]
- Дыбо 2003 — В. А. ДЫБО. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов, Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации*. М.: Индрик, 2003. С. 131—161. [V. A. DYBO. Balto-slavyanskaya akcentologicheskaya rekonstrukciya i indoevropеjskaya akcentologiya // *Slavyanskoe yazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov, Lyublyana, 2003 g. Doklady rossijskoj delegacii*. M.: Indrik, 2003. S. 131—161.]
- Дыбо 2007 — В. А. ДЫБО. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология (глагольные акцентные системы западных индоевропейских языков) [V. A. DYBO. Balto-slavyanskaya akcentologicheskaya rekonstrukciya i indoevropеjskaya akcentologiya (glagol'nye akcentnye sistemy zapadnykh indoevropеjskikh yazykov)] // *Tones and Theories: Proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology. Zagreb, 1—3 July 2005*. Edited by Mate Kapović and Ranko Matasović. Zagreb, 2007. P. 47—73.
- Дыбо 2010 — В. А. ДЫБО. Акцентологическая система прагерманского глагола (первичные глагольные основы) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 21—23 июня 2010 г. Часть 1*. СПб.: Наука, 2010. С. 240—275. [V. A. DYBO. Akcentologicheskaya sistema pragermanskogo glagola (pervichnye glagol'nye osnovy) // *Indoevropеjskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya XIV. Materialy chtenij, posvyaschennykh pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo. 21—23 iyunya 2010 g. Chast' 1*. SPb.: Nauka, 2010. S. 240—275.]
- Дыбо 2011a — В. А. ДЫБО. Еще о балто-славянско-германских акцентных соответствиях (парадигматический выбор акцентных типов в прагерманском глаголе) [V. A. DYBO. Esche o balto-slavyansko-germanskikh akcentnykh sootvetstviyakh (paradigmaticeskij izbor akcentnykh tipov v pragermanskom glagole)] // Elena STADNIK-HOLZER (Hrsg.). *Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic Accentology IV (Scheibbs, 2.—4. Juli 2008)*. Peter Lang, Frankfurt am Main, 2011. P. 39—60.
- Дыбо 2011b — В. А. ДЫБО. Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии // *Лексика, этимология, языковые контакты: Сборник посвящается юбилею Д. И. Эдельман. М., 2011. Отв. ред. Е. К. Молчанова. М., 2011. С. 92—167*. [V. A. DYBO. Drevneindijskij akcent v dardskom yazyke shina kak problema indoevropеjskoj akcentologii // *Leksika, etimologiya, yazykovye kontakty: Sbornik posvyaschaetsya yubileyu D. I. Edelman. M., 2011. Otv. red. E. K. Molchanova. M., 2011. S. 92—167*.]
- Дыбо 2011c — В. А. ДЫБО. Классическая индоевропейская реконструкция и балто-славянская акцентология // *Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С. Б. Бернштейна. 15—17 марта 2011 г., г. Москва. М.: МГУ, 2011. С. 22—31*. [V. A. DYBO. Klassicheskaya indoevropеjskaya rekonstrukciya i balto-slavyanskaya akcentologiya // *Sovremennaya slavistika i nauchnoe nasledie S. B. Bernshtejna: Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyaschennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushegosya otechestvennogo slavista d.f.n., prof. S. B. Bernshtejna. 15—17 marta 2011 g., g. Moskva. M.: MGU, 2011. S. 22—31*.]

- Дыбо 2011d — В. А. ДЫБО. Относительно др.-инд. *-ya-*глаголов (ответ Л. И. Куликову) [V. A. DYBO. Otnositel'no dr.-ind. *-ya-*glagolov (otvet L. I. Kulikovu)] // *Journal of Language Relationship*, 6, 2011. P. 200—210.
- Дыбо 2011e — В. А. ДЫБО. Значение западнокавказской акцентной системы для изучения балто-славянской и японских акцентных систем [V. A. Dybo. Znachenie zapadnokavkazskoj akcentnoj sistemy dlya izucheniya balto-slavyanskoj i yaponskikh akcentnykh sistem] // *Accent Matters. Papers on Balto-Slavic accentology*. Ed. by Tijmen Pronk, Rick Derksen. Rodopi, Amsterdam — New York, 2011. P. 66—84.
- Иллич-Свитыч 1961 — В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ. Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение // *Вопросы славянского языкознания*, вып. 5, 1961. С. 108—137. [V. M. ILLICH-SVITYCH. Vydelenie tipov kornej s iskhodom na sonant v baltijskoj glagol'noj sisteme, ikh funkcionirovanie i proiskhozhdenie // *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*, vyp. 5, 1961. S. 108—137.]
- Иллич-Свитыч 1962 — В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ. К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балто-славянском (о «втором правиле Дыбо») // *Краткие сообщения Института славяноведения*, 1962. С. 63—72. [V. M. ILLICH-SVITYCH. K istolkovaniju akcentuacionnykh sootvetstvij v kel'to-italijskom i balto-slavyanskom (o «vtorom pravile Dybo») // *Kratkie soobscheniya Instituta slavyanovedeniya*, 1962. S. 63—72.]
- Иллич-Свитыч 1963 — В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ. *Именная акцентуация в балтийском и славянском*. М., 1963. [V. M. ILLICH-SVITYCH. *Imennaya akcentuacija v baltijskom i slavyanskom*. М., 1963.]
- История Европы, 1 — *История Европы*. Т. 1: *Древняя Европа*. М., 1988. [Istoriya Evropy. Т. 1: *Drevnyaya Evropa*. М., 1988.]
- Монгайт — А. Л. МОНГАЙТ. *Археология Западной Европы*. Т. 1: *Каменный век*. М., 1973. Т. 2: *Бронзовый и железный века*. М., 1974. [A. L. MONGAJT. *Arkheologija Zapadnoj Evropy*. Т. 1: *Kamennyj vek*. М., 1973. Т. 2: *Bronzovyyj i zheleznyj veka*. М., 1974.]
- ОСА Словарь — В. А. ДЫБО, Г. И. ЗАМЯТИНА, С. Л. НИКОЛАЕВ. *Основы славянской акцентологии: Словарь. Непроизводные основы мужского рода*. Вып. 1. М., 1993. [V. A. DYBO, G. I. ZAMYATINA, S. L. NIKOLAEV. *Osnovy slavyanskoj akcentologii: Slovar'. Neproizvodnyye osnovy muzhskogo roda*. Vyp. 1. М., 1993.]
- Пассек & Черныш 1963 — Т. С. ПАССЕК, Е. К. ЧЕРНЫШ. *Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР*. М., 1963. [T. S. PASSEK, E. K. CHERNYSH. *Pamyatniki kul'tury linejno-lentochnoj keramiki na territorii SSSR*. М., 1963.]
- Сафронов 1989 — В. А. САФРОНОВ. *Индоевропейские прародины*. Горький, 1989. [V. A. SAFRONOV. *Indoeuropejskie prarodiny*. Gor'kij, 1989.]
- Серебренников 1957 — Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР [B. A. SEREBRENNIKOV. O nekotorykh sledakh ischeznuvshego indoevropijskogo yazyka v centre evropejskoj chasti SSSR] // *Lietuvos TSR mokslų Akademijos Darbai*, 1. Vilnius, 1957. С. 69—72.
- Чайлд 1952 — Гордон ЧАЙЛД. *У истоков европейской цивилизации*. М., 1952. [Gordon CHAJLD. *U istokov evropejskoj civilizacii*. М., 1952.]
- Bonfante 1934—1935 — Giuliano BONFANTE. L'accento lèttone gestossen (^) e l'«acuto mòbile» lituano // *Studi Baltici*, vol. 4 (1934—1935). P. 123—134.
- Dybo 2009 — V. A. DYBO. Paradigmatic Accent Systems, Their Typology and Genesis // *FDSL 8. Formal Description of Slavic Languages. December 2—5, 2009*. University of Potsdam, Potsdam/Germany, 2009. S. 21—24.
- Dybo 2011 — V. A. DYBO. Balto-slawische Akzentologie und die germanische Konsonantengemination (zur Verteidigung von F. Kluges Theorie) // Roman SUKAČ (ed.). *From Present to Past and Back*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2011. S. 23—39.
- Irslinger 2002 — Britta Sofie IRSLINGER. *Abstrakta mit Dentialsuffixen im Altirischen*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2002.
- Isaac 2002 — Graham R. ISAAC. *Studies in Celtic sound Changes and their Chronology* (= Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd 127). Innsbruck, 2007.
- Kazlauskas 1968 — J. KAZLAUSKAS. *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*. Vilnius, 1968.
- Kortlandt 1981 — Frederik KORTLANDT. More Evidence for Italo-Celtic // *Ériu* 32, 1981. P. 1—22.
- Kuryłowicz 1958 — Jerzy KURYŁOWICZ. *L'accentuation des langues indo-européennes*. Zakład Narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. Wrocław — Kraków, 1958.

LIV<sub>2</sub> — H. RIX et al. *Lexikon der indogermanischen Verben*. 2<sup>nd</sup> ed. Wiesbaden, 2001.

Matasović 2009 — R. MATASOVIĆ. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden—Boston: Brill, 2009.

Pok. — J. POKORNY. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern—München, 1953.

Schrijver 1991 — Peter SCHRIJVER. *The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin*. Rodopi, Amsterdam — Atlanta, GA, 1991.

Schrijver 1995 — Peter SCHRIJVER. *Studies in British Celtic historical Phonology*. Rodopi, Amsterdam — Atlanta, GA, 1995.

V. A. DYBO. Dialectal variation of Proto-Indo-European in the light of accentological research.

Advances in research on Indo-European accentology, made by the Moscow Accentological School in the last decades, allows us to formulate the following conclusion: the Indo-European community (with the possible exclusion of the Anatolian languages) appears to have initially been divided by the type of its accent systems in two large areas, the first one situated in the Northwest and the second one in the Southeast. The Northwestern accentological type seems to be more archaic, while the Southeastern system is apparently the result of an innovative reduction of the former. This conclusion may tentatively be linked to the hypothesis of the “secondary Balkan homeland”, assuming that such factors as the Greek-Aryan drift to the East and the transition of the speakers to the semi-nomadic lifestyle, as well as multilingual contacts, might have collectively caused this simplification of the formerly complex paradigmatic accent system.

*Keywords:* Indo-European accentology, Indo-European origins, Neolithic Europe, Chalcolithic Europe.